

Мужики, собравшись вместе за выпивкой, и не такое обсуждают — дело житейское. Особенно это касалось молодых холостяков: едва открыв глаза, они либо вкалывали, копя медяк к медяку, либо размышляли, как бы поскорее жениться. Ведь рыбный промысел тяжёл, а если не мечтать о чём-то приятном, то в чём тогда радость жизни?

По сравнению с Чжун Ху, Лю Шуньфэн и Чжун Шоуцай хоть и были навеселе, но соображали ещё неплохо. Заслышав такой разговор, они тут же оживились, подхватили и принялись подначивать.

Чжун Мин не спеша отпил глоток вина, затем взял две палочки и выбрал улитку. Медленно вывернул из раковины мясо, оборвал желчный мешок, прожевал и проглотил. Только тогда, как бы между делом, произнёс:

— Есть один человек.

Остальные чуть с лавок не попадали — как он тянул! А как только услышали его признание, Чжун Шоуцай сразу выпрямился, удивлённо воскликнув:

— Серьёзно? Что ж ты раньше молчал?

Он хлопнул Чжун Мина по плечу, ухмыльнулся:

— Ай да парень, скрывал, будто клад какой!

Чжун Мин и сам впервые заговорил о таких вещах. Раньше он вообще считал, что женитьба дело пустое: обзаведёшься семьёй — ни в делах, ни в расходах воли не будет. Вернёшься на лодку — старшие орут, младшие плачут... Что тут хорошего?

— Это с недавних пор, — сказал он.

И даже сам только что, кажется, до конца это понял.

Чжун Шоуцай снова хлопнул его — от удара Чжун Мин чуть не качнулся, но тут же отмахнулся:

— Ладно-ладно, спросили и хватит, больше ничего не скажу.

Раскладывать всё по полочкам, чтоб потом все судачили — это уж точно не в его духе.

Но разве могли остальные так просто его отпустить? Вторая половина пирушки превратилась в сплошной заговор против Чжун Мина: все трое, кроме уже упавшего под стол Чжун Ху, взялись

за дело всерьёз и наперебой пытались его спаивать. Но сколько бы они его ни допрашивали, Чжун Мин держал язык за зубами крепко. За целый вечер выудили лишь одно — что предмет его интереса был гером.

Когда луна уже взошла высоко в небе, посиделки наконец завершились. Лю Шуньфэн остался ночевать на своей лодке. Лю Шуньшуй, попрощавшись с гостями, прибрал остатки угощения и, прикинув по времени, что его сноха с ребёнком уже наверняка спят в родительском доме, сам тоже решил переночевать тут же, не возвращаясь.

Чжун Шоуцай и Чжун Мин, взяв с двух сторон обмякшего в пьяном угаре Чжун Ху, поволокли его обратно на лодку третьего дяди. Пока управились, пока простились с Чжун Шоуцаем, Чжун Мин уже ощутил, как в голове слегка поплыло. Он прижал пальцы к виску, чувствуя, как накатило опьянение.

С тех пор как он переродился, это был первый раз, когда он столько выпил. Местное дешёвое гаолянское, конечно, и рядом не стояло со жгучим крепким самогоном, которым угощались в северном гарнизоне в его прошлой жизни, но ведь тело его теперь молодое, до прежней выдержки и привычки ещё далеко.

Их семейная лодка стояла дальше всех от лодки семьи Лю, так что путь предстоял неблизкий. В этот час ради завтрашней ранней работы на каждой лодке уже гасили свет и готовились ко сну. Рыбачьи лодки в заливе стояли в ровных шеренгах, мирно покачиваясь на воде, повсюду царила безмятежная тишина.

Прохладный лунный свет словно выстилал гладь моря блестящими серебристыми хлопьями, будто рассыпали россыпь фольги. Волны лениво шлёпали по берегу, а под ногами в песке раздавался лёгкий шорох — то мелкие крабики копошились в норах, то шустрые илистые прыгуны.

Чжун Мин, с трудом разлепляя немного затуманенные сном глаза, вместо того чтобы поспешить на лодку и рухнуть спать, сам того не замечая, замедлил шаг. Ему вдруг до невозможности понравилась эта тишина, этот мирный покой ночи. Он неторопливо бродил вдоль берега и, сам того не планируя, оказался недалеко от знакомого обрыва, у которого обычно уходили в море.

Остановился было, но в итоге всё же пошёл дальше. Хотелось найти уединённое место, подставить лицо ветру, хоть немного развеяться, прийти в себя. На полпути взгляд его зацепился за крошечную тёмную фигурку, и сперва он подумал, что это померещилось — но нет, довольно быстро стало ясно: впереди действительно кто-то есть, присевший в тени у подножия скалы, углублённо ковыряющийся в песке.

Эту худенькую, маленькую фигурку теперь уж ни с кем не спутаешь — Су И.

Чжун Мин нарочно пнул ногой пустую раковину, оставшуюся от съеденного краба, чтобы создать немного шума. Паренёк вздрогнул и обернулся. В этом мгновении что-то живо

напомнило Чжун Мину тот вечер на свадебном пире у семьи Цзян. Если вдуматься, почти каждый раз, как он встречал Су И, тот всегда был в делах.

Первый раз — мыл овощи, второй — таскал корзину, а потом то дрова рубил, то песок копал в поисках морских червей. Словно юла, всё крутится и крутится, ни на миг не замирая.

— Глухой ночью не спишь, а песок копаешь — зачем? — спросил Чжун Мин.

Чжун Мин подошёл ближе, и гер, заметив его, поспешно поднялся на ноги, стряхивая песок с ладоней.

Подойдя, Чжун Мин не успел заговорить, как Су И чуть приподнял голову и, уловив запах, спросил:

— Ты пил?

Только тут Чжун Мин вспомнил про винный дух, пропитавший одежду, и поспешно отступил на шаг — подумал, вряд ли кому-то приятно нюхать запах выпивки, тем более геру.

— Сегодня братья из семьи Лю звали на выпивку, только что разошлись, — пояснил он.

Су И тихо «угукнул», нахмурился и упрекнул:

— Выпил и ещё по берегу гуляешь? Ветер продует, гляди, завтра с головной болью проснёшься.

В прошлый раз это он, Чжун Мин, напоминал Су И не ходить к воде в плохую погоду, чтоб не простудиться, а теперь вот всё поменялось местами — и от этих заботливых слов сердце у него будто налилось тёплым мёдом.

— Я не пьян, — усмехнулся он. — У меня с вином дружба давняя, пью как воду. Просто если сейчас сразу спать лягу, боюсь, утром будет хуже. Вот и вышел прогуляться, развеяться.

Он бросил взгляд на песок: рядом стояла лопатка, позади угадывалась свежевыкопанная ямка — но в такой час копать червей? В голове не укладывалось.

Он не стал задавать лишних вопросов: уже то, что подошёл без предупреждения, и так было недостаточно учтиво.

Су И заметил его взгляд, приглушённо кашлянул и сказал:

— Подожди немного.

Сказав это, Су И снова присел на корточки и продолжил ковыряться в ямке, отчего Чжун Мин почувствовал ещё большее недоумение, но всё же терпеливо остался на месте, дожидаясь. Он был готов ко всему — даже если бы Су И сунул ему в ладонь морскую мокрицу, он бы и бровью не повёл. Однако в следующее мгновение в его руку легло нечто прохладное, и, опустив взгляд, он увидел маленькую связку медных монет.

— Это деньги, вырученные за морских червей. Мы же договорились поделить, вот и отдам тебе, раз уж повстречались, — негромко произнёс Су И, после чего, чуть пощёлкав пальцами, нервно опустил голову.

В прошлый раз с ними был Чжун Хань, и всё как-то легче шло, но когда он оставался с Чжун Мином один на один, становился куда более застенчив. Мужчина был слишком высоким — казалось, он целиком заслонял его собой, и даже дышать рядом с ним хотелось тише, а сердце тем временем колотилось как безумное.

Морской ветер развевал им волосы, пронёсся меж пальцев, оббивал песок и их молчание.

Один цзинь морских червей мог принести цян серебра — судя по весу, связка, что отдал Су И, была как раз такого номинала. Чжун Мин вдруг о чём-то догадался, вновь взглянул на ямку у него за спиной и, прищурившись, предположил:

— Ты что... все свои деньги там прячешь?

Не сдержавшись, он обеспокоенно добавил:

— Смотри, как бы кто с дурным умыслом не откопал.

Су И тихонько улыбнулся:

— Не страшно. Я ведь не в одном месте прячу, да и каждые несколько дней меняю тайник.

Чжун Мин тихо вздохнул, тронутый этой осторожной предусмотрительностью:

— Тебе не стоило мне об этом говорить. Мог бы и выдумать что-нибудь, совсем не обязательно было сейчас вытаскивать деньги. Не к спеху же.

Этот гер по-глупому честный: получив каплю доброты, он в ответ выложит всё сердце — да ещё с лихвой. Если бы он однажды доверился кому-то дурному, чем бы всё обернулось?

— Я не хочу тебя обманывать, — выпалил Су И, потом на миг замолчал, но с уверенностью добавил: — Я тебе верю. А если ошибся, значит, сам виноват.

Он ведь один, ни богатства, ни внешности, и терять ему нечего. Что с него взять?

Связка медяков в руке Чжун Мина вдруг стала тяжелой, как свинец, оттянув запястье, но сердце в это время, напротив, вспорхнуло.

— Тогда я и правда приму, — сказал он.

Подбросил деньги в ладони, поймал обратно и точно вернул их на своё место.

— К слову, я ведь и сам тебя искал. Сегодня возил морской товар в уезд, по пути зашёл в ресторан, и как раз застал там Синь-чжангуя из “Сихая”. Он сказал, что та банка креветочного соуса, что ты продал, ушла в дело, вкус отменный, теперь вот вспоминает да спрашивает, нельзя ли ещё. Попросил, если ты на днях снова будешь в уезде, занести им в лавку банку весом в два цзиня.

Сидит человек дома, а дело само с неба сваливается. Су И не мог поверить:

— Неужели хозяин ресторана запомнил мой соус?

Судя по словам, его даже использовали в блюдах — значит, ели его какие-нибудь заезжие господа из города.

— Да он не то что запомнил, — усмехнулся Чжун Мин, — его работники тебя уже несколько дней на ярмарке ищут. Только, видно, не пересеклись у вас пути.

Он поглядел на растерянный вид Су И, и, решив, что тот и не знает, кто такой этот хозяин «Сихая», сам пояснил:

— Он у меня ещё и лобстеров заказал. Если дорогу не знаешь, в другой раз можем пойти вместе.

И между делом напомнил:

— Только ты пока об этом своей тётке ни слова.

По тому, что Чжун Мин видел в ресторане, ясно было, как Синь-чжангуй относится к креветочному соусу Су И. А если так, значит, речь идёт не о разовой покупке, а о постоянной поставке. Он уже наметил: в подходящий момент обсудить с хозяином возможность заключить договор — пусть Су И будет поставлять им соус на регулярной основе, с ежемесячной оплатой. Тогда деньги можно будет хранить прямо в ресторане, и не придётся больше прятать их то тут, то там, рискуя каждый раз.

Когда дело выйдет на свет, даже если Лю Ланьцао вздумает прибрать к рукам доход, ни лицом, ни умением не дотянется. Какое заведение станет выдавать плату какой-то незнакомой бабе? Хоть она тётка, хоть родная мать — не прокатит.

Только говорить об этом пока рано. Если рассказать сейчас, Су И может обрадоваться зря.

Су И пока не понял скрытого смысла в словах Чжун Мина, но уже с готовностью кивнул в знак согласия.

Чжун Мин не удержался от смеха:

— Глупенький ты гер. Я тебя в уезд увезу и продам, а ты ещё, глядишь, сам станешь мне монеты пересчитывать.

Су И с неловкостью пробормотал:

— Я ж такой, кто меня купит... Уж лучше тебе ещё парочку креветок продать — толку будет больше, чем с меня.

Во всей Байшуйао только Чжун Мин и хотел с ним разговаривать, только он не сторонился, а ещё приводил младшего брата, чтобы поиграть вместе. Большой палец Су И провёл по боковой части другой ладони, где под тряпичной повязкой прятался искривлённый от рождения второй мизинец — вялый, уродливый, от которого любой посторонний отвернулся бы с отвращением.

Он молча сдвинул руку в сторону, чтобы спрятать её во тьме.

Чжун Мин не заметил его движения — он как раз думал, что креветочному соусу нужно время, чтобы настоялся и вобрал в себя аромат. А свежеприготовленную партию Су И можно будет открыть только через три дня, потому что они договорились встретиться в уезде Цинпу спустя три дня после полудня. Чтобы избежать лишних глаз со стороны семьи Лю Ланьцао, они решили встретиться уже на месте.

Через три дня.

— А-Мин, ты что, опять нашёл гнездо лобстеров? Да у тебя с недавних пор прямо везение за везением!

С той поры как Чжун Мин вернул украденных Фэн Бао лобстеров, слухи о его умении нырять и ловить на дне рыбу и морских гадов расплозились по всей округе — уже не скрыть. Раньше, хоть в Байшуйао и знали, что Чжун Мин отлично плавает, но из-за его былой репутации лоботряса никто всерьёз не считал, что в чём-то он и правда лучше других.

Сейчас, глядя на то, как он сегодня приносит десяток цзиней абалонов, завтра — целую корзину крабов, а послезавтра — сетку, полную лобстеров, люди поневоле начинали сравнивать и только злились от зависти.

В последнее время в деревушке Байшуйао даже поднялась волна увлечения задержкой дыхания: не только на берегу, но и прямо на лодках молодые парни стали макать лица в таз с водой, а рядом кто-то приседал и засекал время. Увы, некоторые навыки и вправду даются с рождения: большинство людей на воде умеют только нырять в мелководье, чтобы ловить крабов да собирать раковины, плыть далеко они не могут, а нырять глубоко тем более, так что редкую и качественную добычу им найти трудно.

Чжун Мин, видя всё это, и вовсе перестал кого-либо избегать. В будущем, когда он обзаведётся семьёй и детьми, ему и в самом деле придётся либо нырять за добычей, либо выходить в море — в любом случае, пахать изо всех сил. Что ж, пусть обсуждают, если язык без костей. У него и характер несговорчивый, и кулак твёрдый, мало кто осмеливался лезть к нему без повода.

А покуда никто не язвит за спиной, он сам не станет вызывать ссору. Всё же жить в мире — тоже искусство, которому нужно учиться.

— У меня ведь нет лодки, что может выходить в открытое море, — с улыбкой сказал он. — Приходится вот так зарабатывать на жизнь, полагаясь на умение.

Навстречу шла женщина — мать Чжун Шоуцая, звали её Чжэн-ши, по старшинству он должен был называть её тётёй.

Чжун Мин встряхнул сетку, достал оттуда двух ещё капающих водой морских ежей и протянул ей:

— Тётушка, вещь-то не редкая, вы не гнушайтесь, возьмите домой, съешьте.

Чжэн-ши взглянула — морские ежи и впрямь крупнее, чем те, что обычно собирают на пляже. На рынке таких хоть за десять вэней выставишь, всё равно разберут. Она и рада была, только смущённо запротестовала:

- Да как же так, неловко как-то у тебя что-то брать.

- Что вы, тётушка, какие могут быть церемонии, брат Шоуцай и так относится ко мне как к родному.

Чжэн-ши, услышав это, только расплылась в довольной улыбке. Раньше она, бывало, пыталась уговаривать сына держаться от Чжун Мина подальше, опасаясь, как бы тот не сбил его с пути. А теперь, вспоминая это, только и оставалось, что чувствовать неловкость.

- Ну ладно, раз уж так, я тогда с чистой совестью приму. А ты не забудь как-нибудь прийти поужинать, обязательно с Хань-гером — я его уже давно не видела, всё вспоминаю.

Чжун Хань был не только красив, но и с малых лет осиротел, потому в клане его жалели особенно, относились с добротой и вниманием. В праздничные дни, когда он поднимался на лодку, ему всегда доставалось на одну конфету или фрукт больше, чем остальным детям. Он нравился всем куда больше, чем сам Чжун Мин.

С Чжэн-ши Чжун Мин столкнулся на переправе. В это время у пристани собралось немало людей, ожидавших лодки. Байшуйао и Байшаао находились совсем рядом, и жители обеих деревень пользовались одной и той же переправой через залив. Когда лодка подошла, и Чжун Мин занял своё место, оказалось, что среди его попутчиков была молодая пара. Девушка была ещё совсем юной, по одежде — незамужняя, но держалась с юношей свободно, между ними ощущалась близость и уверенность, присущая тем, кто уже помолвлен.

Проплыв немного по морской глади, Чжун Мин вдруг уловил, как мужчина, сидевший напротив, окликнул свою спутницу: «А-Сян», затем в разговоре упомянул семью У. Тогда-то он и понял: это и была та самая Сян-цзе из семьи У, о которой вздыхал Чжун Ху — из-за неё он, помнится, немало выпил.

Однако, судя по виду, свадьба эта вовсе не была устроена вслепую — видимо, всё действительно свелось к тому, что его прямодушный до простоты двоюродный брат попросту питал безответные чувства. Что толку говорить, что она тебе улыбнулась, что ты ей помог... Или она должна была расплакаться в ответ?

Чжун Мин покачал головой, надеясь, что Чжун Ху внял уроку и впредь станет рассудительнее.

По прибытии в уезд Цинпу лодка причалила, и Чжун Мин, уплатив серебро, сошёл на берег. С ним одновременно вышли и У Сян с женихом из Байшаао. Остальные пассажиры отправились дальше, в сторону других рыбацких деревень, расположенных далее по течению.

Если пристань в родной деревне казалась ему оживлённой, то здешняя в уезде и вовсе гудела, как улей. Но в этот день, по какой-то причине, у самого схода с пристани дорогу загородили мелкие чиновники, собирающие рыночную пошлину, и проход позволялся лишь тем, кто расплатился.

Некоторые возмущались, но тут же получали от стража суровый отпор:

— Думаешь, нам самим охота стоять тут и задерживать? Всё из-за того, что среди вас всегда найдутся хитрецы, желающие сжульничать и проскользнуть без платы! Вы, водяной сброд, то, что вам и так позволено сойти на берег — это уж милость от уездного начальства, а вы всё ропщете, как будто вам чего-то не додают!

Слова «водяной сброд» заставили всех, кто стоял в очереди на уплату пошлины, заметно

напрячься — лица у них побледнели, кто-то порозовел от злости, словно им прилюдно вlepили пощёчину. Но что толку? Эти мелкие чиновники, хоть и не значились в уезде особыми сановниками, для простого народа уже были настоящими «господами», — гнева хватало, а вот смелости высказаться не находилось.

Чжун Мин, молча слушавший всё со стороны, на миг помрачнел. Вспомнилось, как в юности, во времена своей горячей молодости, он не раз бывал доведён до ярости презрением, которое испытывали жители суши к людям воды — их уничижительные прозвища, насмешки, презрение. Тогда он и поклялся: вырваться из низшего сословия, стереть с себя клеймо «водяного сброда» и стать полноправным сухопутным жителем.

Он заплатил за это высокую цену, познал разочарование, впустую истратил одну жизнь, но даже начав всё сначала, при виде подобной сцены внутри него вновь закипала кровь. Желание ступить на твёрдую землю, избавиться от клейма — это было выжжено в самих костях всех, кто рождён на лодке. А те, кто с виду будто бы и не тяготился положением, просто давно сдались.

Но Чжун Мин не из тех, кто сдаётся. Теперь он просто знал: идти нужно иначе, с дальним прицелом, иным путём.

— Эй, ты, спереди! — окликнули его, как только он сделал несколько шагов. — Заплатил ли ты пошлину? Думаешь, проскользнуть тихо, не рассчитавшись?

Чжун Мин обернулся, посмотрел в лицо тому, кто окликнул. Чиновник оказался на голову ниже Чжун Мина, так что тому пришлось невольно склониться вперёд — зрелище вышло до смешного нелепым.

Чжун Мин слегка приподнял в руке деревянное ведро:

— Я не торгую, это не на продажу. Несу товар для ресторана.

Мелкий чиновник смерил его подозрительным взглядом, одновременно раздражённо подумав, с чего это такой дурень вырос до таких размеров — чем он вообще питается? Оттого и тон стал ещё более надменным:

— Для какого ресторана? Как звать тамошнего управляющего?

— «Сихай», — спокойно ответил Чжун Мин. — Хозяин по фамилии Синь. Три дня назад заказал у меня лобстеров и дал задаток сто вэней. Если не верите, можете сходить сами и спросить.

Сказано было спокойно и уверенно, без заминок, к тому же «Сихай» — старый, известный в округе ресторан. Чиновник стиснул зубы от досады, но вынужден был махнуть рукой и отступить, пропуская его вперёд.

Чжун Мин, не меняя выражения лица, отвернулся и пошёл дальше, а позади снова раздался злобный окрик:

— Всего-то пять вэней! А вы, водяная шелупонь, будто с неба деньги собираете — сунул руку в море, уже и наловил на еду! И это жалко отдать?! Вот когда пошлину поднимут, тогда будете попроворнее шевелиться!

Хамоватые окрики низкорослого чиновника невольно подтолкнули Чжун Мина к важному воспоминанию. Он вдруг вспомнил: да, поднятие пошлины действительно произойдет, и это случится уже совсем скоро. Поначалу налог за торговлю на рынке составлял всего пять вэней, но в одночасье его поднимут до восьми — и при этом взимать его начнут исключительно с людей воды. Жители деревень, земледельцы, местные торговцы всё так же продолжат платить по пять.

Казалось бы, всего-то три вэня разницы, но если прикинуть сумму за месяц, то выходит уже больше двух цзяней серебром. А между тем, чтобы арендовать место под лоток на обочине сельской улицы, пусть и не в самом проходном месте, нужно около двухсот вэней в месяц — и то, только если ты не из водного сословия. Людям с «низким» статусом такая аренда попросту недоступна, сколько бы они ни предлагали сверху.

И что особенно важно: вместе с ростом пошлины в этом уезде вводят и дополнительный сбор с проданной рыбы. Теперь улов взвешивается, и за каждый цзинь рыбы нужно доплатить два вэня, а то и больше. А если не повезёт попасться на глаза чиновнику с дурным настроением, да ещё и с уловом из дорогих сортов — вроде лобстеров, морских огурцов или морского окуня — с тебя сдерут столько, сколько их душа пожелает. Всё на усмотрение сборщика, хоть целое состояние.

Конечно, платить не обязательно — выход есть: арендовать нормальное торговое место, и тогда не придерутся. Но тут замыкается круг — арендовать ларек людям низкого сословия запрещено. Плати как угодно — не разрешат.

Всё это нагромождение правил и ограничений, как на ладони, было придумано лишь с одной целью — содрать с них лишнюю шкуру. Те же морские деликатесы в панцирях весят много, на весах набирают почти цзинь и под этим давлением оборачиваются убытком. У людей воды растут издержки — а значит, и цены на товар приходится поднимать, чем вызывается недовольство уже и со стороны сухопутных покупателей. Постепенно вся округа, весь уезд Цзююэ наполняется жалобами и ропотом.

Именно это случилось как раз накануне того, как Чжун Мин оказался в тюрьме. Тогда, едва узнав о новых порядках, он специально вернулся в Байшуйао, чтобы предупредить родных: посоветовал второй тётке, третьему дяде и другим родственникам поскорее искать возможности — скооперироваться, арендовать прилавок в уездном городе, иначе вскоре заработок с продажи рыбы пойдёт на убыль, и вся прибыль будет лишь в корм чиновникам.

Но в те времена его «дурная слава» уже шла впереди него, и кто бы стал ему верить?

Когда он объяснял, что для устройства дела нужно будет вложиться, уладить кое-какие формальности и заплатить где надо, его только подозревали: дескать, не начал ли он проигрывать деньги в карты или завёл себе содержанку в городе, вот теперь, мол, у него денег не хватает — пришёл трясти родню и обманывать.

Разочарованный, Чжун Мин тогда махнул рукой. А вскоре и вовсе оказался в тюремной камере, оклеветанный. Наверное, те, кто тогда решил ему не верить, после даже внутренне порадовались, что не поддались.

...

Но сейчас всё иначе. Случай вновь повторяется, но на этот раз он решил: не будет никого упрашивать, не будет ничего доказывать. Раз уж взялся прожить эту жизнь прочно, с толком, то первым делом нужно самому арендовать прилавок. Он запомнил всё сказанное и теперь мысленно начал прикидывать, как и с чего начать.

Чжун Мин быстро покинул шумный, переполненный людом рынок у пристани. Пройдя несколько поворотов, он нашёл Сун И рядом с кузницей, о которой они условились заранее. Гер поставил коромысло на землю и сам прижался к стене, стараясь стать как можно незаметнее. Его сероватая одежда почти сливалась с внешней кладкой местного дома, выложенного устричными раковинами — не присмотришься, так и не заметишь.

Чжун Мин подошёл ближе, голос его сам собой смягчился, чего он даже не осознал.

— Долго ждал?

— Нет, я тоже только пришёл, — ответил Сун И.

На самом же деле он прибыл в уезд с утра пораньше, успел распродать часть креветочного соуса, а после этого прибежал на условленное место чуть ли не за полчаса до времени. Он боялся, что Чжун Мин, как и в прошлый раз, придёт раньше. Лучше уж ему ждать, чем заставить ждать другого.

Чжун Мин кивнул. Он выбрал это место встречи не случайно — здесь почти не ходили люди воды, к тому же в кузнице неподалёку он заказал кое-какие железные изделия.

— Подожди меня немного, — сказал Чжун Мин, — я схожу в лавку напротив, забрать кое-что.

Он коротко предупредил, и гер, разумеется, согласился.

Зайдя в кузницу, Чжун Мин упомянул о заказе и протянул подмастерью бумажку, выданную ему в прошлый раз. Тот, пробежав глазами по каракулям и меткам, поднял и вынес свёрток с несколькими железными стержнями и подходящими к ним наконечниками стрел — то, что он

заказывал несколько дней назад.

Наконечники были трёх видов, по три штуки каждого — всего девять в наборе. Первый — с мелкими бородками, чтобы рыба не могла сорваться. Второй — с крупными боковыми зазубринами, специально для крупной рыбы. А третий — трезубец, удобный для метания в косяки — повышает шанс попадания. Стержней было два, отшлифованы довольно добротнo, острие с одного конца позволяло использовать их и без наконечников.

— В прошлый раз вы внесли двадцать процентов задатка, — напомнил подмастерье, — осталось доплатить восемь цяней серебром, и расчёт окончен.

Железо и соль подлежали государственному контролю, и хотя цены нельзя было назвать непомерными, позволить себе такие вещи мог не каждый. Жители воды, например, пользовались железными граблями и лопатками при сборе даров моря — но в семье чаще имелся лишь один такой комплект. А добротный железный котёл меньше семи-восьми лян и не найти.

На этот раз вещи выглядели не особенно увесистыми — наконечники не больше фаланги большого пальца, — а всё равно вышло на целый лян серебром.

— Спасибо.

Чжун Мин проверил товар, убедившись, что всё в порядке, завернул в мешковину и сунул в сетчатую сумку.

Тем временем, напротив кузницы.

Су И, зная, что им вскоре предстоит вести разговор с управляющим ресторана, всё же не мог полностью успокоиться. Он уже раз за разом проверял товар, но всё равно не удержался — решил в который раз заглянуть в кувшин и убедиться, что с креветочной пастой всё в порядке. Сняв крышку, он дал ветру разнести пряный запах по округе. Для тех, кто не привык, аромат мог показаться чрезмерно резким, почти удушливо рыбным, но для любителей — это был запах, вызывающий настоящий аппетит. Особенно в Цзююэ, где пасту из креветок ели почти в каждом доме. Кто-то готовил её сам, кто-то, не желая возиться, шёл покупать на рынке готовую.

И вот в тот момент, когда аромат начал распространяться по улице, несколько бездельничающих на углу парней принюхались, и у них сразу потекли слюни. Увидев, что продающий пасту гер щуплый и слабосильный, хулиганы подумали, что парой грубых слов можно его так припугнуть, что он сам им всё отдаст. Перемигнулись, пошептались — и, обнявшись за плечи, с лентой двинулись в его сторону, явно собираясь урвать бесплатную закуску.

Не ожидали они только, что прямо на их пути появится высокая и крепкая фигура, шаг за

шагом направляющаяся к этому самому серенькому геру. Причём человек был не только впечатляюще сложен — его лицо показалось подозрительно знакомым.

Главарь троицы мигом сменил выражение лица на подбострастное, заулыбался, как пёс, и засеменял вперёд:

— Благодетель! — воскликнул он с жаром.

Чжун Мин как раз собирался вести Су И к ресторану «Сихай», когда услышал, как его кто-то зовёт. Голос показался слишком уж знакомым. Он оглянулся и тут же помрачнел.

Черты его лица и без того отличались резкой, холодной выразительностью, а годы, проведённые в военном лагере, оставили отпечаток в характере: теперь, если кто раздражал его, он даже не пытался скрыть неприязнь. Взгляд у него был такой, что мороз пробирал до костей, а слова — прямые, без всякого снисхождения:

— Не валяй дурака, — отрезал он.

Су И, озираясь по сторонам, испуганно промолчал.

А вот Чжан Цзю, хоть и вздрогнул от ледяного взгляда, не растерялся: не зря у него было одно главное достоинство — кожа у него была толще сапожной подошвы. Он продолжал сиять, будто ничего не случилось.

— Благодетель, ну вы и сказали... прямо как чужому, — протянул Чжан Цзю с натянутой улыбкой. — Я ведь не раз хотел угостить вас вином, а вы всё раз за разом отказывались...

Подойдя ближе, он покосился на Су И, и глаза у него заметно забегали: взгляд скользнул от одного к другому, и, словно что-то уловив, он вдруг приосанился, притворно сложил руки перед собой и с многозначительной улыбкой обратился к Су И:

— Издалека не разглядел, обидеть не хотел... Этот гер, надо полагать, и есть ваш супруг?

От мужчины исходила насквозь пронизанная небрежностью, дерзостью и фальшивой учтивостью аура — с первого взгляда было ясно, что человек этот ненадёжен и порядком скользок. Су И и сам чувствовал, что следует его остерегаться. Он испугался, но, боясь показаться слабым перед Чжун Мином, старался держаться как ни в чём не бывало.

И всё же, когда из уст хулигана вылетела эта дикая фраза, его словно кипятком окатило.

— Я... я не... — он с испугом замахал руками, лицо мгновенно вспыхнуло, будто сваренный креветочный хвост. — Я ж... я же даже с косичкой... Как он вообще может такое говорить?!

А если Чжун Мин рассердится... Су И совсем смутился и едва мог выговорить хоть что-то связанное.

Чжун Мин терпеть не мог, когда Су И приходилось выслушивать подобное. Его взгляд потемнел, и голос прозвучал угрожающе:

— Чжан Цзю! — отрезал он, как плетью ударил.

Он и сам ещё не успел как следует осознать собственные чувства, а этот болван взял да ткнул пальцем — будто бумагу на окне прорвал, раскрыв всё на глазах. А если Су И теперь испугается и сбежит, как тогда быть?

Чжун Мин зыркнул на Чжан Цзю, взглядом ясно дав понять: Извиняйся, и живо.

Тот почесал щёку, всё ещё не улавливая всей серьезности момента. Взгляд у него был растерянный: не понять, что между этими двумя происходит. Ну покраснел гер — так мало ли, геры все стеснительные, нежные. Да другие после такой «шутки» ещё спасибо бы сказали за внимание.

Хотя он и недоумевал, что такого нашёл Чжун Мин в этом на вид лишь едва-едва приятном пареньке, всё же кое-что сообразил. Все, кто прежде сталкивался с Чжун Мином, отлично знали: он к красоте холоден, словно камень. Цветочные дома, нарядные красавицы — всё без толку. Мужики из лодочной округи даже в шутку поговаривали: не иначе, как слишком долго в воде, и... что-то там у него повредилось.

Теперь выходит — не повредилось. Просто на красоту ему, видно, плевать. Потому что важно совсем другое. А уж с какой ревностью он этого гера прикрывает — тут, как говорится, без слов всё ясно.

Чжан Цзю был человеком, что называется, гибким — умел в нужный момент прогнуться. В мгновение ока сменил выражение лица, пару раз звонко отвесил себе пощёчины и принялся с заискивающей улыбкой канючить прощения:

— Уважаемый гер, я пьяный вздор наговорил, сам не свой был... Вы, как говорится, с высоты своей не держите зла на простого мужика вроде меня, не опускайтесь до моего уровня...

Су И прежде с таким и близко не сталкивался — если и встречал на рынке подобного рода типчиков, всегда обходил стороной, едва дыша. Зацепишься — хорошо, если только деньгами откупиться получится. А тут стоит Чжун Мину рявкнуть, как человек, который в иных случаях силком бы отобрал и товар, и деньги, сейчас сам, с поклонами, извиняется.

Он молча втянул пару раз воздух, постарался скрыть замешательство и негромко пробормотал:

— Ничего.

Чжан Цзю, не выпрямляясь, исподтишка вытер вспотевший лоб. Но Чжун Мин и не думал отпускать его так просто. Лёгким движением подбородка указал на переулок в стороне — мол, иди, подожди.

А Су И он мягко сказал:

— Мне нужно с ним кое-что обсудить. Скоро вернусь.

Тот нахмурился, в голосе слышалась тревога:

— Будь осторожен.

Чжан Цзю, уже отошедший на несколько шагов, при этих словах едва не споткнулся, про себя страдальчески думая: вот же гер, совсем голову потерял — Чжун Мин, выходит, только на лицо такой суровый, а вон как охмурил... При его-то росте и силе — да кому тут надо быть осторожным? Да и кто осмелится — к Чжун Мину с таким подходом и близко не сунутся, если в здравом уме.

Чжан Цзю спровадил своих подельников и, не теряя осторожности, шагнул за ним в переулок. Покорно понизив голос, он промямлил:

— Благодетель, сегодня я и впрямь ослеп и одурел, винюсь. Может, вот, серебра немного возьмёте, чтобы гер испуг забыть мог...

Он сделал вид, будто хочет достать из рукава пригоршню денег, но Чжун Мин метнул в него такой взгляд, что тот сразу застыл, не посмев продолжить.

— Болтовня твоя — мелочь. Ты скажи лучше, вы всей своей шайкой сюда зачем направлялись?

Чжун Мин знал подобных людей слишком хорошо. Пустобрёхи и бездельники — вреда большого, вроде, не причиняют, но и хорошего от них не жди. Любили приглядываться к тем, кто одиноко шёл по улице — особенно к девицам, герам, старикам да бабкам. Увидят кого посимпатичнее — начинали словесно домогаться, то насмешкой, то сальным словом, норовили то без спросу товар попробовать, то схватить, что плохо лежит, и ни за что потом не расплатиться.

Чжун Мин в прежние годы в подобные дела не лез, сам держался поодаль. Да и был он не из тех, кто шатается по улицам ради дешёвых забав. Он тогда хотел идти вперёд, пробиваться, а не валяться в грязи с прочими. Но, как водится, народ любит судачить. Стоит раз-другой с кем-то перекинуться словом — и вот уже слухи поползли: якшался с проходимцами, водился с отребьем. Так одно за другим и нарастает.

Но этот Чжан Цзю... как бы сказать, был с особым прошлым. Как-то раз сцепился он с другой шайкой — обычная перебранка между мелкими проходимцами, а дальше как пошло, так и до драки дошло. Били друг друга до самой кромки моря, и вот толкнули Чжан Цзю, тот и полетел в воду. Казалось бы, родился у моря, должен бы плавать, но нет, он из тех «прибрежных», что воды боятся пуще огня. Захлёбывался, барахтался, и видно было - сейчас пойдёт ко дну.

Чжун Мин проходил мимо. Увидел, руку протянул, вытащил. А как вытащил, то и разглядел, кого спас. Только вздохнул с досадой — невезение, да и только. Сказать, что такие люди заслуживают смерти? Вроде бы и нет. Но то, как живут — без совести, без чести, ни стыда ни меры — поневоле отворачиваешься.

— Ты всё твердишь про благодарность, — продолжил Чжун Мин спокойно, но с холодной прямоотой. — А я тебе прямо скажу: из воды тебя вытащил случайно, мимо шёл. Если бы знал, что это именно ты, да ещё с твоими закидонами... может, и дал бы тебе хорошенько нахлебаться, прежде чем решать, стоит ли тебя вообще спасать.

Чжан Цзю застыл, не зная, что сказать. Ни на жалость, ни на лесть этот человек не поддавался, всё говорил прямо, без обиняков. Но он не стал уходить и не отвёл взгляда.

Чжун Мин посмотрел на него ещё раз, потом заговорил:

— Я позвал тебя не для того, чтобы слушать, как ты себе пощёчины отвешиваешь. У меня две вещи к тебе. Первая — не лезь к Су И. Ни ты, ни твои дружки. Ни с намёками, ни с подковырками, ни с глупыми шуточками. Если хоть кто-нибудь из вас подойдёт к нему с тем, что было сегодня, я найду тебя даже на дне бухты. Я понятно выразился?

Как только он заговорил, Чжан Цзю тут же выпрямился — что бы там ни было, он и впрямь помнил добро Чжун Мина: если бы тогда тот не вмешался, ему самому уже суждено было бы стать уопленником. К тому же мужчины нередко преклоняются перед силой — он восхищался ловкостью Чжун Мина и его умением держаться на воде, искренне хотел признать его старшим братом, да только тот, увы, не принял его.

— Впрочем, сейчас у меня и впрямь есть одно дело, — продолжил Чжун Мин. — Хочу поручить тебе разузнать об этом. Поможешь — и считай, с меня хватит, больше никому и ничем не будешь обязан.

Чжан Цзю встрепенулся, поспешно заверив:

— Что угодно прикажете, благодетель, только скажите! Хотя я и не мастак на великое, но в округе кое-какие ниточки у меня есть.

Чжун Мин рассказал ему о слухах, что на ярмарке в округе может подняться цена на торговые места, и добавил, что сам подумывает арендовать ларек.

— Хочу, чтобы ты разузнал, действительно ли собираются поднимать плату за место и с какого числа это начнётся.

Хотя сам он уже примерно знал, как обстоят дела, но считал, что перепроверить будет надёжнее.

— И ещё про аренду: ты ведь знаешь, я человек с воды, по правилам мне нельзя брать место на рынке. Но это ведь не такое уж великое дело — если найдётся кто, кто поможет уладить, даже за кое-какую выгоду, я согласен.

Чжан Цзю сразу уловил его намёк и без колебаний согласился:

— Можете положиться на меня.

Чжун Мин кивнул, сделал пару шагов, но тут же обернулся и сказал:

— Раз уж ты столько раз называл меня «благодетелем», позволю себе сказать прямо: твоя жизнь и впрямь была у меня в руках, не стану скромничать. Так вот, раз уж тебе уже довелось однажды побывать на краю, неужто до сих пор не очнулся? Годы-то идут, и жить так, как ты сейчас, без цели и толку, долго не получится. Лучше уж пораньше найти дело, на которое можно опереться.

Эти слова он говорил не без доли личного чувства — в них звучала и его собственная тревога. Что же до того, внемлет ли Чжань Цзю его словам, это уж было не в его власти.

Покинув переулок, они с людьми Чжан Цзю разошлись в разные стороны. Он заметил, как Су И приподнялся на носках, глядя в эту сторону, и, увидев, что тот вышел целый и невредимый, с облегчением выдохнул, брови его разгладились, и Чжун Мин невольно ускорил шаг.

— Вы...

Су И быстро окинул Чжун Мина взглядом с головы до ног — тот был цел, одежда в порядке, никаких признаков драки. Сердце его окончательно успокоилось. Он хотел спросить больше, но опасался показаться бестактным.

Чжун Мин сам заговорил:

— Не волнуйся, я с ним поговорил по-хорошему, руки не распускал.

Он повёл Су И дальше по дороге и по пути рассказал ему о своём прошлом с Чжан Цзю. Су И слушал, и его абрикосовые глаза чуть расширились:

— Так вот почему он называл тебя благодетелем... Ты и впрямь спас ему жизнь.

— Нельзя же, в самом деле, видеть тонущего и не спасти, — сказал Чжун Мин. — Впредь, если увидишь их компанию в округе, можешь не опасаться. Он теперь не посмеет тебя тронуть.

Су И: ...

Снова вспомнив наглую болтовню того мужлана, он до сих пор чувствовал неловкость и был бы рад провалиться сквозь землю. Но, судя по тону Чжун Мина, тот, кажется, не придавал значения услышанному — по крайней мере, не был зол.

Молодой человек был стеснителен — Чжун Мин это сразу заметил, потому и не стал больше касаться неловкой темы, а перевёл разговор на другое — заговорил о заведении «Сихай» и упомянул дело с креветочным соусом.

Он поделился с Су И своими мыслями и спросил, насколько тот считает такой подход уместным.

— Я вот что думаю: если ты собираешься заниматься соусом, тебе не обойти Лю Ланьцао. А ресторан ведь заказывает сразу целую глиняную банку, это не такие объёмы, что можно спрятать. Деньги при этом попадут прямиком в её карман — уж больно это ей на руку. Если Синь-чжангуй согласится, то потом, когда она станет допытываться, ты вполне можешь сказать, как есть. Пусть тогда глаза вытаращит и злобу глотает.

Су И и сам по себе не был человеком с широким кругозором, и до такого хода ума бы точно не додумался. Если всё получится — он, конечно, будет только рад.

— Это лучше не придумаешь, — сказал он. — Пусть деньги пока и не у меня в руках, но если останутся за ресторанной стойкой, я всё равно спокоен. Это куда лучше, чем если их заберёт моя тётка, и уж потом обратно не добьёшься.

Он с досадой добавил:

— Опять тебе хлопоты из-за меня, не знаю уж, как и благодарить.

— Просто ты раньше с ресторанами дел не имел, — объяснил Чжун Мин. — А на деле так делают сплошь и рядом: и те, кто поставляет овощи, и мясники, и даже кто рис и масло носит — все так работают. С чего бы вдруг креветочному соусу быть исключением?

Цинпу был местечком небольшим — не успели они толком поговорить, как уже показалась вывеска ресторана. Узнав, что Чжун Мин принёс партию лобстеров, управляющий Синь вышел сам, не забыв прихватить с собой свою птичью клетку.

В клетке сидел попугай — болтливый, умеющий подражать человеческой речи. Завидев незнакомцев, он тут же выдал: «Поздравляю с богатством!» Су И впервые видел птицу, что умеет говорить, и, помимо испуга, в его взгляде явно преобладало любопытство — он украдкой несколько раз на неё посмотрел. Попугай в ответ тоже уставился на него своими бусиными-глазами, а потом вдруг открыл клюв и провозгласил: «Исполнения всех желаний! Исполнения всех желаний!»

Су И не сдержал улыбки, уголки глаз и губ мягко приподнялись.

Тем временем Чжун Мин занялся расчётом с управляющим Синем. Он привёз всего четырнадцать лобстеров: шесть помельче — по шестьсот вэнь, семь покрупнее — по сто пятьдесят, и всего одного особо большого — за двести. В сумме выходил один лян, восемь цзяней и ещё пятьдесят вэнь. Чуть меньше, чем та партия, что он продал управляющему Миню, но тут уж ничего не поделаешь — размер лобстеров дело непредсказуемое.

Хотя управляющий Синь и подумал, что всё равно в сравнении с Минем вышло не столь выгодно, придирается не стал — особенно учитывая, что Чжун Мин в придачу отдал ему несколько морских ежей и одного краба.

Когда с расчётами закончили, управляющий послал помощника за деньгами к стойке.

С этим делом было покончено, и, наконец, настал черёд креветочного соуса Су И.

Су И с детства имел дело с торговлей в уезде, так что держался уверенно и без робости — при появлении управляющего почтительно поклонился и поздоровался. Управляющий Синь велел ему открыть крышку глиняной банки, сам зачерпнул бамбуковой ложкой немного соуса, внимательно осмотрел цвет, понюхал, попробовал на вкус, и в конце концов кивнул:

— Вкус всё тот же. У тебя соус настоящий, как положено. Этот багрово-лиловый цвет — далеко не каждый сумеет добиться.

Лучший креветочный соус отличается тонкой текстурой без осадка, с лёгким багрово-лиловым оттенком. Вкус его не должен быть слишком солёным — важно, чтобы соль не заглушала естественную свежесть креветок. Многие делают соус плохо, получается мутная, пересоленная жижа, больше смахивающая на соляной рассол, какой выжимают в дешёвых лавках. Такой только дома съесть и то с неохотой, уж на продажу его выставить бессмысленно: никто не купит.

— А сколько стоит твой соус? — спросил управляющий Синь, по-прежнему забавляясь с попугаем. — Покупал-то я его уже давно, подзабыл.

— В розницу — три вэня за лян, в этой банке ровно два цзиня. Раз вы берёте оптом, пусть будет по пять вэнь за два ляна — итого пятьдесят вэнь, — ответил Су И.

Чтобы получить всего лишь один лян креветочного соуса, нужно невесть сколько мелких креветок, поэтому обычно его продают на развес. Покупатели приносят с собой миску, продавец зачерпывает несколько раз — и вот уже получается две или три порции. Су И вёл дело честно, никогда не стряхивал соус исподтишка, чтобы недовесить, потому у его лотка и собиралось много постоянных клиентов.

Пятьдесят вэнь — сущий пустяк по сравнению с суммой за лобстеров. Когда помощник принёс связку мелкой монеты и начал считать её в стороне, Чжун Мин тут же воспользовался моментом:

— Управляющий Синь, раз вы остались довольны соусом, а в ресторане, должно быть, без него не обходятся, то не проще ли договориться о регулярных поставках? Заранее назначим день, и он будет приносить вам соус сам, а вы тогда же и рассчитываетесь.

Такой способ, конечно, был куда удобнее для управляющего. Он чуть повернулся к Су И и спросил:

— Если так, то расчёт будет по месяцам. Согласен?

Он с первого взгляда обратил внимание, что одежда у этого молодого гера старая, заметно поношенная, сразу понял — живёт тот небогато. А такие люди, как правило, ведут дело, рассчитывая на быстрый оборот: только поступила выручка — и тут же пустить её в оборот, на еду да на нужды.

Обычно расчёт по месяцу практиковался с другими лавками в уезде — мясными, овощными, с теми, кто уже как-никак обустроился и прочно встал на ноги. У Су И же было иное положение: для него ресторан служил скорее копилкой, где можно было отложить немного на будущее.

Он твёрдо сказал:

— Всё должно быть, как вам удобнее, управляющий. Вся эта затея — лишь в надежде, что вы и впредь будете поддерживать наше скромное дело.

Поскольку Су И пришёл вместе с Чжун Мином, управляющий Синь сразу мысленно отнёс их к одной связке. Собственно, даже не беря в расчёт Су И, одного Чжун Мина было достаточно, чтобы он захотел укрепить отношения — удержать его при себе было бы весьма кстати. А уж купить при этом немного креветочного соуса — и вовсе мелочь, тем более что соус и впрямь был отменным, а он сам на этом точно не проиграет.

Помощник тем временем сбегал на кухню, справился, и вернулся с ответом: прошлой партии соуса хватило надолго, хо